
ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЛИЧНЫХ ФОРМ VERBUM DICENDI ГЛАГОЛАТИ В «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

Н. В. Соловьёва (Минск, Беларусь)

В статье рассмотрены особенности функционирования личных форм древнерусского глагола говорения (*verbum dicendi*) *глаголати* в тексте «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку. Установлено, что преимущественное употребление *глаголати* в формах имперфекта и презенса при практически полном отсутствии форм аориста обусловлено семантикой глагола – его ориентацией на коммуникативное событие как процесс говорения.

Ключевые слова: *verbum dicendi*; древнерусский язык; аорист; имперфект; настоящее время.

Глагол со значением речевой деятельности *глаголати* входит в число наиболее употребительных лексем в «Повести временных лет» (ПВЛ) [1]: в Лаврентьевском списке ПВЛ насчитывается 209 словоупотреблений, 72 из которых являются финитными формами настоящего и прошедших времен. При этом уже в первом приближении очевидно, что наиболее характерными для *глаголати* являются формы имперфекта и презенса (38 % и 50 % от общего числа личных форм соответственно), в то время как формы аориста от *глаголати* в рассматриваемом тексте единичны. Это наблюдение в полной мере соответствует данным, полученным Е. А. Мишиной на материале широкого круга древнерусских источников, и говорит о том, что *глаголати* в рассматриваемый период входит в число неохарактеризованных по виду бесприставочных глаголов, тяготеющих к значению несовершенного вида [2, с. 169]. Вместе с тем «тяготение» к употреблению в одних грамматических временных формах при неспособности или ограниченной возможности употребления в других – не что иное как морфологическая реализация семантических потенциалов лексемы, что особенно справедливо для эпохи существования разветвленной системы глагольных времен и несформированности видовых противопоставлений.

Типичным условием функционирования *глаголати* в ПВЛ являются личные формы имперфекта. Речевое действие, выраженное глаголом, получает в этом случае характер постоянно повторяющегося:

многажды бо бѣси пакости дѣлаху яму и глѣху нашъ хеси (л. 66, с. 196–197),

либо не имеющего однозначного закрепления на временной шкале и, соответственно, не включенного в событийную последовательность летописного нарратива:

яко^ж прѣркъ глѣше падеде пре^д врагы вашими поженуть вы ненавидѣши ва^с (л. 74, с. 222);

тѣмь глѣху на перевозъ на Киевъ (л. 4, с. 10).

Еще одной характерной для *глаголати* грамматической формой является форма презенса, преимущественно в неактуальном значении:

Исага же великии реч тако глѣть Гь простру руку свою на та истлю та и расъю та (л. 33 (об), с. 98-99).

Слово, исходящее от Бога, имеет вневременной характер – отсюда и соответствующий способ лексико-грамматического оформления: *глаголеть*.

В ПВЛ отмечается тесное взаимодействие между формами настоящего неактуального и формами имперфекта от *глаголати*, которое формально проявляется как проникновение личных окончаний настоящего времени в словоизменительную парадигму имперфекта:

Шльга часто гъшеть (вм. *глаголаше*) *азъ сѣну мои Бѣ познахъ и радуюса* (л. 18 (об), с. 63).

Причина такого взаимодействия состоит, в первую очередь, в сходстве грамматического значения двух временных форм с точки зрения их «вневременного» характера, отсутствия соотнесенности с событийной последовательностью: «Имперфект – это прошлое настоящего» [3, с. 73]. Кроме того, отмеченный характер речевого действия не всегда нуждается в однозначном закреплении за временным планом и, соответственно, в четкой грамматической дифференциации. Ср.:

то же Исаиа глѣть (= *глаголеть*? ‘говорит’ – наст.вр., = *глаголаше(ть)*? ‘говорил’ – имперф.) *ѡкрыеть Гь мышцу свою стую передо всѣми языки* (л. 33 (об), с. 99).

Формы аориста *глаголати* в тексте ПВЛ встречаются редко (отмечено 5 случаев). Речевое действие, выраженное такими формами, – это прежде всего звучащая речь, говорение, реализованное в коммуникативном акте как событию более или менее продолжительном, однако ограниченном грамматическим значением аориста:

Придоша Стополкъ [и] Володимеръ [и] Дѣвъ Игоревичъ и Василко Ростиславичъ и Давѣдъ Стославичъ и брат ѡго Шлгъ и снашася Любачи на оустроеньѣ мира и глѣша к собѣ рекуще почто губи^м Русьскую землю <...> (л. 86 (об), с. 256-257).

Употребление личной формы аориста *глѣша* (3 л. мн. ч.) фокусирует внимание на факте состоявшейся беседы, характеризуя речевое действие как имевший место, но законченный процесс коммуникации или говорения. Прямую речь при этом рассматриваемая форма не вводит – эту функцию выполняет причастие *рекуще*.

Употребление *глаголати*, семантически ориентированного на речь как протяженный во времени процесс говорения, в форме аориста ограничивает его возможность введения прямой речи, поскольку высказывание в этом случае не имеет результирующего характера. Это ограничение преодолевается через употребление инфинитива *глаголати* с аористными формами фазового глагола *начати*, что создает эффект «свертывания» речевого

действия до пределов конкретного этапа и позволяет включить его в нарративную последовательность. Вместе с тем «начало» хотя и ограниченный, но все же условно выделяемый этап осуществления действия, имплицитно подразумевающий его продолжение (начал говорить и, соответственно, продолжил), и это позволяет ввести в текст ПВЛ прямую речь, соответствующую семантике *глаголати* – повествование или рассуждение без установок на результативность, не имеющее непосредственного соотношения с основной повествовательной линией летописного нарратива:

(Василко) *повелъ слузъ своему ити вонь и сѣде со мною и нача ми глѣти се слышу шже ма хоче дати Лахомъ Дѣдъ то се мало са насытитъ крове моега а се хочеть боле насытиса* (л. 89 (об), с. 266).

Таким образом, функционирование финитных форм *глаголати* в тексте ПВЛ напрямую предопределено семантикой рассматриваемого глагола. Соотнесенный с ситуацией речи наряду с другими древнерусскими *verba dicendi* (*речи, молвити, сказати, повѣдати*), *глаголати* преломляет ее по своему, актуализируя акустическую, «звучащую» сторону: речь как произнесение, говорение. Отсюда закономерен выбор грамматических форм имперфекта и презенса, представляющих действие как процесс, без установки на результативность.

Библиографический список

1. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. – 4-е изд. – М.: Языки русской культуры, 1997. – Т.1. – 496 с.
2. Мишина, Е. А. К вопросу о видовой семантике простых (бесприставочных) глаголов в древнерусском языке / Е. А. Мишина // Русский язык в научном освещении. – 2018. – №1 (35). – С. 161–182.
3. Тимберлейк, А. Аугмент имперфекта в Лаврентьевской летописи / А. Тимберлейк // Вопросы языкознания. – 1997. – № 5. – С. 66–86.

МАГИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ ДИНО БУЦЦАТИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ ПРОЗЫ

А. В. Сорокина (Минск, Беларусь)

Дино Буццати, наряду с Чезаре Павезе и Альберто Моравия, по праву считается классиком итальянской литературы XX в. Дино Буццати – писатель, обладающий особой манерой повествования, он умело создает иллюзию простоты и доступности каждого произведения, будь то новелла или роман, но за призрачной простотой кроется огромный мир, вселенная, наполненная глубоким смыслом, аллюзиями и символами. В статье анализируются основные черты магического реализма Дино Буццати в контексте современной итальянской литературы.

Ключевые слова: современная итальянская проза; магический реализм; новелла; парадокс; абсурд.

Современная итальянская проза сложилась в годы, непосредственно предшествовавшие первой мировой войне, когда бурное и противоречивое